

ЮРИЙ КАЗАКОВ

ЮРИЙ КАЗАКОВ

“ВОН БЕЖИТ СОБАКА!”

ЛУЧШИЕ РАССКАЗЫ

СОСТАВИТЕЛЬ **СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ**

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К14

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО
Фото автора на переплёте — А. ЛЕСС / РИА Новости

Казаков, Юрий Павлович.

К14 “Вон бежит собака!” : лучшие рассказы / Юрий Казаков; сост. и предисловие С.Шаргунова. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2027. — 557, [3] с. — (Предметы культа).

ISBN 978-5-17-191887-3

Юрий Павлович Казаков (1927–1982) лучший рассказчик второй половины XX века. С дебютного рассказа — классик. Он стоял у истоков городской и деревенской прозы, был звездой шестидесятников, совмещая джазовую ритмичность письма и глубокий интерес к судьбе простого человека. Каждый рассказ — путешествие души, каждое слово — светится. “На полустанке”, “Голубое и зелёное”, “Арктур — гончий пёс”, “Долгие крики”, “Свечечка”, “Во сне ты горько плакал”, “Русский флаг” (публикуется впервые)...

Составитель сборника Сергей Шаргунов, автор книги “Зачем я здесь. Юрий Казаков: недописанная жизнь”.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-191887-3

- © Казаков Ю.П., наследники.
- © Шаргунов С.А., составление, предисловие.
- © Бондаренко А.Л., оформление.
- © ООО “Издательство АСТ”.

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Шаргунов <i>Вас нет, и горько плакал</i>	7
 НА ПОЛУСТАНКЕ	11
ТИХОЕ УТРО	17
НОЧЬ	32
НЕКРАСИВАЯ	47
СТРАННИК	58
НА ОХОТЕ	75
ГОЛУБОЕ И ЗЕЛЁНОЕ	86
НИКИШКИНЫ ТАЙНЫ	116
ПОМОРКА	132
АРКТУР — ГОНЧИЙ ПЁС	140
МАНЬКА	162
НА ОСТРОВЕ	178
ТРАЛИ-ВАЛИ	194
СТАРИКИ	208
ЛЁГКАЯ ЖИЗНЬ	227
В ГОРОД	241
НИ СТУКУ, НИ ГРЮКУ	253
“ВОН БЕЖИТ СОБАКА!”	268

ОСЕНЬ В ДУБОВЫХ ЛЕСАХ.....	280
ЗАПАХ ХЛЕБА.....	298
НЕСТОР И КИР.....	304
КАБИАСЫ.....	338
АДАМ И ЕВА.....	349
ДВОЕ В ДЕКАБРЕ.....	377
ПЛАЧУ И РЫДАЮ.....	388
НОЧЛЕГ.....	401
ОТХОД.....	416
БЕЛУХА.....	428
ДОЛГИЕ КРИКИ.....	457
РУССКИЙ ФЛАГ.....	497
СВЕЧЕЧКА.....	526
ВО СНЕ ТЫ ГОРЬКО ПЛАКАЛ.....	540

Вас нет, и горько плакал

Юрий Павлович, ваши рассказы не требуют предисловий. Они говорят сами за себя.

Как лес и поле, как льдины Белого моря и взламывающие их волны, как цепкий взгляд охотничьих глаз и промельк обречённой птицы.

В этой книге те рассказы, которые захотелось увидеть вместе, именно в такой последовательности.

Очень надеюсь, скоро выйдет полное собрание ваших сочинений, куда войдут и найденные недавно. Бог даст, получится ещё что-то обрести. Говорят, после вашей смерти пропал коричневый чемодан, набитый рукописями.

А пока здесь публикуется доселе неизвестный “Русский флаг” — набросок киносценария, посвящённый странствиям исследователя Арктики Владимира Русанова. Северный дневник на дореволюционный лад... И во включённых сюда рассказах впервые устранены неточности, которые вы просили исправить, допущенные при всех изданиях.

Рассказы ваши неотделимы от вашей судьбы.

Крестьянский сын из арбатской коммуналки, самородок, покори-
тель литературы. Вы уходили из жизни больным, небогатым, пьющим,
одиноким, с ощущением неудачи. Даже романа, о котором мечталось,
так и не написали.

Но конечно, эта книжка — “томов премногих тяжелей”.

Для меня вы — лучший рассказчик.

В 1967-м в “Литгазете” вы предлагали такую формулу: “Чувстви-
тельность, глубокая и вместе с тем целомудренная, ностальгия по бы-
стротекущему времени, музыкальность, свидетельствующая о глубо-

ком мастерстве, чудесное преображение обыденного, обострённое внимание к природе, тончайшее чувство меры и подтекста, дар холодного наблюдения и умение показать внутренний мир человека”.

Александр Солженицын вырезал этот абзац из газеты, наклеил на лист и приписал красным: “Ведь всё о себе”.

Он был прав. Это действительно написал о вас несколькими годами ранее писатель Клод Руа в газете *“Libération”*.

К сказанному можно добавить ещё и ещё... Грубость и нежность, красочность и прозрачность, смелость и сила, в том числе — быть растерянным и слабым.

Каждый рассказ — путешествие души, в каждом — завораживающий “внутренний сюжет”. Каждое слово — светится.

Вас, Юрий Павлович, называли наследником классики, вы стояли у истоков городской и деревенской прозы, и неслучайно при своём отшельничестве стали одной из стержневых фигур в истории словесности, оказались близки совсем разным современникам от Василия Аксёнова до Валентина Распутина, от Венедикта Ерофеева до Василия Белова, от Юрия Трифонова до Владимира Солоухина.

Человек, соединявший свободомыслие и почвенность, вселенское и родное. Тот, через кого можно увидеть не только развилки прошлого, но и будущего.

До слёз бывает грустно, когда изучаешь вашу рано прервавшуюся жизнь, разгадываешь вашу сумрачную тайну, думаешь, что вы могли бы узнать и описать эпоху, накануне которой ушли, и что вы по-прежнему не ко двору, не только близкий всем, но и всем чужой...

Сегодня, будем честны, вы полузабыты, если не забыты.

Надеюсь, очередное переиздание вашей прозы и ваше жизнеописание помогут хотя бы отчасти вернуть ваше имя читателям.

Но ведь, на самом-то деле, переживать не о чем.

Юрий Павлович, вам повезло — вы не просто есть, вы — навсегда.

Повезло и нам, тем, кто будет перечитывать вас или прочитает впервые. Сколько бы нас ни было...

“На полустанке”, “Трали-вали”, “Ни стуку, ни грюку”, “Вон бежит собака!”, “Адам и Ева”, “Плачу и рыдаю”, “Осень в дубовых лесах”, “Ночлег”, “Свечечка”, “Во сне ты горько плакал”...

Сами названия обволакивают таинственной музыкой.

Бескрайний, озарённый закатом мир: оглядываешься, затаив дыхание.

Будем читать ваш роман — главу за главой.

*С благодарностью,
Сергей Шаргунов
2026*

НА ПОЛУСТАНКЕ

Была пасмурная холодная осень. Низкое бревенчатое здание небольшой станции почернело от дождей. Второй день дул резкий северный ветер, свистел в чердачном окне, гудел в станционном колоколе, сильно раскачивал голые сучья берёз.

У сломанной коновязи, низко свесив голову, расставив оплывшие ноги, стояла лошадь. Ветер откидывал у ней хвост в сторону, шевелил гривой, сеном на телеге, дёргал за поводья. Но лошадь не поднимала головы и не открывала глаз: должно быть, думала о чём-то тяжёлом или дремала.

Возле телеги на чемодане сидел вихрастый рябой парень в кожаном пальто, с грубым, тяжёлым и плоским лицом. Он частыми затяжками курил дешёвую папиросу, сплёвывал, поглаживал подбородок красной короткопалой рукой, угрюмо смотрел в землю.

Рядом с ним стояла девушка с припухшими глазами и выбившейся из-под платка прядью волос. В лице её, бледном и усталом, не было уже ни надежды, ни желания; оно казалось холодным, равнодушным. И только в тоскующих тёмных глазах её притаилось что-то болезненно-невывыказанное. Она терпеливо переступала короткими ногами в грязных ботинках, старалась стать спиной к ветру, не отрываясь смотрела на белое хрящеватое ухо парня.

Со слабым шорохом катились по перрону листья, собирались в кучи, шептались тоскливо о чём-то своём, потом, раз-

гоняемые ветром, снова крутились по сырой земле, попадали в лужи и, прижавшись к воде, затихали. Кругом было сыро и зябко...

— Вот она, жизнь-то, как повернулась, а? — заговорил вдруг парень и усмехнулся одними губами. — Теперь моё дело — порядок! Чего мне теперь в колхозе? Дом? Дом пускской матери с сестрой достаётся, не жалко. Я в область явлюсь, сейчас мне тренера дадут, опять же, квартиру... Штангисты-то у нас какие? На соревнованиях был, видал: самолучшие еле на первый разряд идут. А я вон норму мастера жиманул запросто! Чуешь?

— А я как же? — тихо спросила девушка.

— Ты-то? — Парень покосился на неё, кашлянул. — Говорено было. Дай огляжусь — приеду. Мне сейчас некогда... Мне на рекорды давить надо. В Москву ещё поеду, я им там дам жизни. Мне вот одного жалко: не знал я этой механики раньше. А то бы давно... Как они там живут? Тренируются... А у меня сила нутряная, ты погоди маленько, я их там всех вместе попржму. За границу ездить буду, житуха начнётся — дай бог! Н-да... А к тебе приеду... Я потом это... напишу...

Вдали послышался слабый, неясный шум поезда; унылую тишину хмурого дня прорезал тонкий тягучий гудок; дверь станции хлопнула, на перрон, прячась в воротник шинели, вышел начальник станции с заспанным лицом, в красной фуражке с тёмными пятнами мазута.

Он покосился на одиноких пассажиров, вытащил папиросу, помял её в пальцах, понюхал и, посмотрев на небо, спрятал в карман. Потом, зевнув, сипло спросил:

— Какой вагон?

Парень тяжело повернул голову на короткой толстой шее, посмотрел на новые калоши начальника станции, полез за билетом.

— Девятый. А что?

— Ну-ну... — пробормотал начальник и снова зевнул. — Девятый, говоришь? Так... Девятый. А погода — сволочь. Ох-хо-хо...

Отвернулся и, обходя лужи, побрёл к багажному отделению. Поезд показался из-за леса, быстро приблизился, сбавляя ход, прокричал ещё раз, устало и тонко. Парень поднялся, бросил папиросу, посмотрел на девушку: та силилась улыбнуться, но губы не слушались, тряслись.

— А ну, хватит! — проворчал парень, нагибаясь за чемоданом. — Слыхала? Хватит, я говорю!

Они медленно пошли по перрону навстречу поезду. Девушка жадно заглядывала парню в лицо, держалась за рукав, говорила, путаясь и торопясь:

— Ты там берегись, слишком-то не подымай... А то жила какая-нибудь лопнет... О себе подумай, не надрывайся... Я что? Я ждать буду! В газетах про тебя искать буду... Ты обо мне не мечтай. Так я это, люблю тебя, вот и плачу, думаю...

— А ну, брось! — сказал парень. — Сказано — приеду...

Мимо них, сотрясая землю, прошёл паровоз, обдав их теплом и влажным паром. Потом всё медленней и медленней пошли усталые вагоны: один, другой, третий...

— Вон девятый! — быстро сказала девушка. — Подождём!

Вагон мягко остановился возле них. В тамбуре толпились измятые, бледные пассажиры, с любопытством выглядывали наружу. За окном стоял толстый небритый человек в полосатой пижаме и, наморщив маленький пухлый лобик, ожесточённо дёргал раму. Рама не поддавалась, и пассажир страдальчески морщился. Наконец ему удалось открыть окно, он сейчас же высунулся, оглядывая с близорукой улыбкой полустанок, увидел девушку, ещё шире улыбнулся и слабо закричал:

— Девушка, это какая станция?

— Лунданка, — сипло сказал проводник.

— Базар есть? — спросил человек в пижаме, по-прежнему глядя на девушку.

— Нету базара, — опять отозвался проводник. — Две минуты стоим.

— Как же так? — изумился пассажир, всё ещё глядя на девушку.

— Закройте окно! — попросили из вагона капризным голосом.

Человек в пижаме обернулся, показывая пухлую спину, потом, жалко улыбаясь, закрыл окно и вдруг исчез, будто провалился.

Парень поставил чемодан на подножку вагона, повернулся к девушке.

— Ну, прощай, что ли, — тяжело проговорил он и сунул руки в карманы.

У девушки поползли по щекам слёзы. Она всхлипнула, уткнулась парню в плечо.

— Скучно мне будет, — шептала она. — Пиши почаще-то... Слышишь? Пиши-и... Ведь приедешь?

— Сказано уже, — неохотно и испуганно говорил парень. — Оботри слёзы-то... Ну!

— Да я ничего, — шептала девушка, задыхаясь, быстро, побелിച്ചи отирая слёзы и влюблённо глядя в лицо парню. — Одна я остаюсь. Помни, о чём говорили-то...

— Я помню, мне что! — хмуро бормотал парень, задирая голову и поводя глазами.

— А мне... Я всю жизнь для тебя... Ты знай это!

— Сказано... — буркнул парень, равнодушно глядя себе под ноги.

Два раза надтреснуто, жидко ударил колокол.

— Гражданин, попрошу в вагон, останетесь... — сказал проводник и первым полез торопливо на площадку. Девушка побледнела, схватилась рукою за рот.

— Вася! — закричала она и невидящим взглядом посмотрела на пассажиров: те сразу отвернулись. — Вася! Поцелуй же меня...

— Мне что... — пробормотал парень, затравленно покоился назад и нагнулся к девушке. Потом выпрямился, словно кончил тяжёлую работу, вскочил на подножку. Девушка тихо ахнула, закусила прыгающую губу, закрыла лицо руками, но тотчас отняла руки...

Под вагонами зашипело, сдавленно крикнул впереди паровоз, и также сдавленно отозвалось из леса короткое, глухое эхо. Вагоны едва уловимо тронулись. Заскрипели шпалы. Парень стоял на подножке, хмуро смотрел на девушку, потом покраснел и негромко крикнул:

— Слышь... Не приеду я больше! Слышь...

Он оскалился, сильно втянул в себя воздух, сказал ещё что-то непонятное, злое и, взяв с подножки чемодан, боком полез в тамбур.

Девушка сразу как-то согнулась, опустила голову... Мимо неё мелькали вагоны, глухо дышали шпалы, что-то поскрипывало, попискивало, а она пристально, не мигая, смотрела на радужное пятно мазута на рельсе, скрывавшееся на мгновение под колёсами и снова показывающееся, смотрела задумчиво, робко, незаметно для себя всё ближе подвигаясь к этому пятну, будто манило, притягивало оно её. Она напрягалась, прижимала руку к нестерпимо болевшему сердцу, робкие, почти ещё детские губы её всё белели...

— Берегись! — раздался вдруг дикий крик над её головой.

Девушка вздрогнула, моргнула, радужное пятно посветлело, поскрипывание шпал и стук колёс прекратились, и, подняв голову, она увидела, что последний вагон с круглым красным щитком на буфере неслышно, как по воздуху, уплывает всё дальше. Тогда она подняла голову к низкому, равнодушному небу, стянула на лицо платок и завывла по-бабьи, качаясь, будто пьяная:

— Уеха-а-ал!..

Поезд быстро скрылся за ближним лесом. Стало тихо. Шаркая по земле ногами, подошёл начальник станции, остановился за спиной девушки, зевнул.

— Уехал? — спросил он. — Н-да... Нынче все едут.

Помолчал, потом смачно плюнул, растёр плевков ногой.

— Скоро и я уеду... — забормотал он. — На юг подамся. Тут скука, дожди... А там, на юге-то, теплынь! Эти — как их? — кипарисы...